

ЧЕРНЫЕ БАНИ В КИЧМЕНГСКО-ГОРОДЕЦКОМ РАЙОНЕ

Все больше становится на карте нашего края нежилых деревень. Не встречаются за их околицей возвращающихся хозяйским лаем собаки, не скрипят повозки, телеги, не слышно ребячьего гама, не курится дымок над крышами, некому раздвинуть белые занавесочки. Так и стоят дома деревенские – подслеповатые, забытые, сиротливые, врас-тая в землю. А рядом с ними – деревенские бани.

«Когда бы не баня, все бы пропали». По этой и множеству других пословиц можно судить, с какой любовью и уважением относились и относятся к бане русские люди. Любой крестьянин, планируя построить дом, прежде всего строил баню. Ладила ее без чертежей, «держа» всю конструкцию в голове. Подходишь к такой баньке, а она, словно из доброй сказки, приветливо встречает тебя, и что-то в душе откликается на ее приветствие. Смотришь: вроде бы банька как банька. Но, благодаря умелым рукам строителей, она, как добрая хозяйка, привет-чает тебя. Если же банька старая-престарая и слегка перекосилась, то, как добрая старушка, щурится подслеповатым глазом и ласково пар-рит, как будто тебя одного ждала, как желанного гостя.

Баню строили на определенном месте. На ночь оставляли стакан воды, а на утро смотрели: если вода мутнела, то место считали гиб-лым, а если нет, то вырастала банька. В старину их строили у реки. Это объяснялось тем, что, во-первых, близко вода, а во-вторых, связа-но с обработкой льна. Постепенно лен как сельскохозяйственная культура исчезал из севооборота, следовательно, не требовалась и по-стройка бань у воды.

Известны бани черные и белые. Черные бани имеют более длин-ную историю. В чем секрет названия? В том, что в бане не было печ-ного кладеного дымохода. Стены были темными от копоти, поэтому не нашлось другого слова, кроме «черные». На смену им пришли ба-ни белые, стены которых оставались светлыми, чистыми благодаря выложенному кирпичному дымоходу.

Функциями черной бани были мытье людей, стирка, сушка льна и снятие уроков* (* – отсылка к словарiku в конце статьи). Были бани против «черной погани», против блуда и для любви, для рожениц с младенцами. Но, конечно же, основной функцией бани являлось мы-тье, так как обычно мылись каждую неделю.

Прежде, чем построить баню, нужно было заготовить строительный материал. Но как это сделать? Из опрошенных старожиллов наиболее полную информацию об этом предоставила Галина Павловна Москвитина. Она в настоящее время проживает в селе Нижний Енангск, хотя раньше жила в деревне Кислый Починок. Эта деревня состояла из 18 дворов*.

– Бани у всех были черные, близко к домам не располагались. Порой, даже зимой, в баню бегали босиком, да и обратно также. До нашей бани метров 60. Когда было выбрано уже место, то мужики отправлялись в лес: лесу нарубят, подождут, когда он подсохнет, и волочат на лошадях или на себе в деревню.

– Почему на себе?

– Да потому что лошадей тогда, в войну, было мало. Всего в деревне было три лошади. Всех хороших забрали на войну. Строили баню из соснового леса. Но также использовали и ель.

О процессе строительства бани узнаем из уст Ивана Александровича Метлева: «Верхние ряды сруба, а также и потолок в бане рубили и стлали особенно тщательно, поскольку от этого зависели жар и вкус. Пазы мошили* зеленым мхом».

Существовало несколько способов создания кровли: дранка, еловым корьем и тесом. И.А.Метлев подробно рассказал о старом способе – дранке. Для этого нужны были дранка и береста. На стропила бани в старину клали бересту. Вот как об этом вспоминает И.А.Метлев:

– По весне мужики отправлялись в лес драть березовое лыко, или скалу. Топором на стволе проводили вертикальную линию, а затем широкой полосой легко снимали бересту. Таких плащин* нужно было нарезать на всю крышу, даже за день все это заготовить успевали. Дранку готовили так: сосну пилили на тюлечки*, высотой до 20 см, затем топором рубили дранку, получались небольшие дощечки прямоугольной формы. Это была несложная работа, поэтому помогали подрастающие сыновья и даже девчонки, лишь бы пальцы не отрубили. Фронтоны бани не заколачивали досками: дым, который шел через трубицу*, выходил через фронтон. Посмотришь – и, кажется, не загорелась ли баня? Нет, это она только растопляется! От души отлегло. Такие «приступы» дыма бывали, когда еще дрова подбрасывали. Баня начиналась с предбанника, который был не у каждого хозяина, в наших краях его называли перебанье*. Оно было холодным, то есть неотапливаемым. Зачастую даже не делали дверей, строили его из теса, без потолка: лишняя трата досок. После бани, особенно летом, оставляли лопоть*, изредка хранили моховетки* (моховицу). В

перебавье одевались, поэтому на пол стлали солому, чтобы было тепло и чисто ногам.

— Каким же был потолок?

— Потолок делали из бревен, края которых затесывались, чтобы потом они были тесно прижаты для сохранения тепла. Мох для этого не использовали. В потолке было отверстие, располагающееся над каменницей*. Оно называлось трубицей.

Посмотрим, как баня устроена изнутри. Галина Павловна Москвитина вспоминает:

— В бане пол состоял из неровно набросанных дощечек, иногда еще бросали кору елки, такой пол назывался половик.

— Почему? Ведь очень неловко ступать на неровное?

— А где тогда можно было найти более хорошую доску?

Но И.А.Метлев утверждает, что пол в бане был из просто расколотых тюлек. А его брат Василий Александрович Метлев говорит, что пол набирали из очесанных жердей. Таким образом, было четыре способа создания пола: неровно набросанные дощечки, очесанные жерди, кора ели, расколотые тюльки.

Многие информаторы говорят, что окна в бане не было. Почему? Ведь при дневном свете можно вымыться без дополнительного освещения. Оказывается, баня меньше портилась, тепло хранила лучше. По словам В.А.Метлева, окно в бане было, но маленькое, чтобы меньше тепла выходило. Однако тепло могло выйти через дверь, поэтому ее делали небольших размеров. Ведь для того, чтобы внести потом лавки, доски для строительства полка, для вхождения человека, не требовался большой проем. Дверь всегда открывалась на себя.

Справа или слева, в зависимости от расположения двери, находилась печка. Ее называли каменничка*. Для ее кладки использовались камни, большие и маленькие, только серого цвета, круглые. И.А.Метлев объяснял это так: «Нужно брать камни огнеупорные, если уж прыснул на них водой, так чтоб не растаяли*, от серых камней угару в бане не было».

По воспоминаниям Клавдии Михайловны Чешковой, каменничка выглядела так: камни укладывали не на пол, а на землю так, чтобы они плотно прилегали друг к другу, поэтому пустые пространства занимали более мелкие камни. Щели замазывали глиной. Эта кладка была не выше метра. Когда уже были выложены бока каменнички, то наверх клали борону, а потом камень, так как сквозь ячейки бороны камни не упадут в огонь, который разведут в топке. Никаких дверок для топки не было.

Небольшой секрет от Василия Александровича Метлева:

– Топили баню с приоткрытой на 20 см дверью.

– Почему?

– Дымовая тяга была сильнее. В потолке для выхода дыма сделана дырка, которая зачастую была обнесена железом.

– Почему железная?

– Чтобы меньше нагревались края, и крыша не загорела. Сюда и выходил дым. Такое отверстие диаметром 15-20 см называли трубицей.

«Как баня истопится, так эту дырку затыкали либо фуфайкой, либо еще чем-нибудь», – вспоминает Галина Павловна Москвитина. «Дров у бани не было, – рассказывает она, – поэтому приходилось носить от дома. Дровами топили такими, какие есть: еловыми, осиновыми, сосновыми», хотя в старину говорили, что осиновыми дровами топить нельзя, так как на осине повесился Иуда. Дрова бросали в топку, огонь докрасна нагревал брошенные на борону камни, хранившиеся прямо в бане. Собирали эти камни на полях.

Галина Павловна вспоминает, что старались брать серые камни, так как они жароустойчивее, да и угару от них меньше. Затем их храпом* бросали в большую осиновую кадку, наполненную на $\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{3}$ холодной водой. Нужно было суметь захватить камень так, чтобы случайно не подцепить уголек или золу. С очередным подбрасыванием дров бросали на борону и рядом лежащие камни. Повторялось это до тех пор, пока вода в 6-7-8-ведерной кадке не закипала. Чтобы горячая вода медленнее остывала, кадку накрывали деревянной крышечкой. Такие кадки, по словам Галины Павловны, делали из целой части ствола дерева высотой до 1,5 метров, выдалбливая сердцевину. Когда воды было подготовлено достаточно, то клюкой* разравнивали жар*. Затыкали дыру.

Дальше баня должна выстояться*, то есть должно пройти определенное время, чтобы не было угара. А как же проверяли, пора в баню или нет? И.В.Метлев рассказывает: «Заходили в баню и зажигали спичку. Если она не горит, то угарно», то есть много углекислого газа, а спичка загорит при наличии кислорода. По праздникам баню не топили, придерживались обычаев. Например, не мылись в родительскую субботу. Считалось, что в такой день приходят мыться умершие предки.

Помимо каменки в бане стояли 1-2 лавочки, на которых мылись люди. Но, бывало, мылись и на тюлечках, которые были рассчитаны на разные возрасты. По воспоминаниям Г.П.Москвитиной, воду чер-

пали деревянным ковшом на длинной ручке, мылись из шаяк. Шайка – это банная посуда из дерева, где стянутые железным обручем невысокие досочки имели на противоположных краях ушки, за которые можно было держаться, переставляя ее. Они были разных размеров. Галина Павловна говорит и о другом способе изготовления банной посуды: «Выдалбливали их из осинового дерева в виде таза. Делали шайки, кадки на всю деревню. Служили они подолгу, были нетяжелы. Банные тазы, кадки, ушаты, шайки, ковши и вообще все, предназначенное для мытья, также издавна считались "нечистыми"».

Были в бане и колосники*. Они выглядели так: 2-3 струганные жерди вставлялись в пазы* противоположных стен на высоте 80-90 см. Их легко можно было вставить и убрать. Именно на них сушили и мяти лен. Колосники убирались, весной и летом они были не нужны. Эти жерди хранили на потолке бани.

По свидетельству Клавдии Михайловны Чешковой, баню освещали светцом*. А Галина Павловна Москвитина поведала иное: «Освещались лучиной (двое моются, а один освещает), но, бывало, мывались и в потемках. Далее, уже ближе к современной жизни, появляется керосин, и стали делать коптиюшечки*». Их вешали на гвоздик во время мытья.

В.А.Метлев вспоминает: «У нас в бане был полук*, на котором парились. Но прежде, чем начать париться, мой отец заваривал* в шайке веник, то есть обливал кипятком. Когда он становился мягче, то отец начинал хлестать себя им по всему телу. Обычно веники заготавливали в Петров день. Их готовили не только из березовых веток, но также добавляли лечебные травы, липовые ветки». А вот рассказ Галины Александровны Малыгиной: «Устиляли полук обычно грубой мешковиной, шоб живот не обжечь. На мешковину часто накладывали сенную труху. Веники заготавливали в день Ивана Купалы, мамка моя еще говорила, что они лечебной силой обладают».

Перед тем как идти мыться, в бане мыли пол и обтирали лавки. В то время, когда топили баню, готовили и щелок*. Его готовили так: просеянным пеплом наполняют на $\frac{1}{3}$ ведро, содержимое заливают кипятком и дают настояться. После этого на ведро кладут неплотную тряпку и сквозь нее пропускают отстоявшуюся воду в другое ведро. Именно этот раствор использовали в качестве мыла, но перед употреблением щелок необходимо разводить чистой водой, так как этот раствор представляет собой концентрированную щелочь.

В войну мыло стало редкостью, а голь на выдумки хитра. Г.П.Москвитина рассказала, что мылом служила также синяя (голу-

бая) глина, которую набирали на берегу, скатывали из нее небольшие комочки, сушили, заготавливая впрок. Такая глина пенилась, то есть в ее состав входила щелочь. «Так однажды дотерлись таким мылом, что выступила кровь» – вспоминает Галина Павловна. Чем чище было тело, тем больше было пены. Существовало много различных средств: использовались настои крапивы, лекарственной ромашки, тысячелистника, а также яичный желток.

Пора в баню! Сначала мыли ребят, а потом мылись сами. Мыться надо было аккуратно: можешь оказаться грязнее, чем пришел. Чистое белье оставляли на перебанье, потому что его было легко запачкать о прикопченные стены при одевании.

Интересно было услышать от Василия Александровича Метлева о том, как парились в бане. Он рассказывает, что перед мытьем необходимо было бздавать* на каменку. Считалось необходимым плеснуть не меньше трех раз: «Бог любит троицу». Объяснялось это так: один – маловато, два – на покойника, три – самое то! Существовал заговор, который произносился, когда плескали воду на каменку (его разрешила записать Г.П.Москвитина):

*Выйди ты, выйди, парочек да жарочек!
Вынеси ты, вынеси, парочек да жарочек,
Хорошую славушку про меня (имя) матушку
Вверх до перейма, вниз до (населенный пункт)
Во имя Отца и Сына и Святого Духа
Аминь, аминь, аминь.*

Чем же мыли тело? Обычно использовалась тряпка из грубого сукна. Согласно воспоминаниям Галины Павловны, слупали* кору, размягчали и делали мочалку. Служила она подолгу. Делали мочалки и про запас. Вначале тело необходимо было распарить. Разгоряченное, оно должно было быть вымыто в первую очередь. Много работая, люди сильно потели, пачкались, поэтому, если протереть распаренное тело ладонью, то под ней скатывались сувертни*, сувертенья*. Затем периодически смачивали тряпочку в шайке с разведенным щелоком и натирали тело, начиная с груди, заканчивая ногами. Голову мыли в последнюю очередь: считали, что с сухими волосами легче переносить жар, чтобы «в голове не стучало».

Воды не жалели. Об этом говорит процедура окатывания*, сопровождавшаяся заговорами. Произносили их радостно, растягивая слова, словно и они лились на вымытое тело. Например, заговор Г.П.Москвитиной передается из поколения в поколение, и теперь его знают даже ее семилетние внуки. Текст заговора таков:

*Банная вода, бойся меня.
Я тебя не боюсь никогда!
Смой с меня, сплоти все:
Все уроки, переполохи,
Людские переговоры,
Внутренние, телесные.
Будьте мои слова крепки, метки, памятливы.
Тынь до веку по веку.
Аминь.*

Существовали и другие заговоры:

*Как с гуся вода,
С меня (имя) худоба*,
Ко мне красота.*

(Информатор – Римма Александровна Усова)

*Как с гуся, с лебедя вода,
С (имя) вся худоба!*

(Информатор – Валентина Ильинична Петряшова)

Обязательно это нужно было проговорить три раза. Слово «гусь» используется не случайно. Это вполне понятно: тело гуся никогда не бывает мокрым. Поэтому люди также хотели обезопасить себя от бед. Гусь не бывает мокрым – пусть и человек не будет несчастным.

*Мойся, раба,
Смойся, вся худоба*.
Мойтесь, мои ангелы!*

(Информатор – Антонина Николаевна Кузнецова)

Считалось, что в бане есть незримый хозяин – Баннушко. Банник, у славян – дух, хозяин бани – именовался также баеником, байником, байнушкой. В старину его почитали как доброго, радушного банного хозяина, подобного домовому. Бытовало мнение, что банник не особенно враждебен человеку и не станет вредить хозяевам бани, если они сами не навлекут его гнев своими действиями.

Очевидно, в подобных поверьях нашло отражение двойственное отношение к самой бане: с одной стороны, баню считали местом очищения, а с другой – она повсеместно считалась местом недобрым, неосвященным. Думаю, это понятие пришло к нам вместе с христианством потому, что в бане нательные кресты снимались. Если подойти к этому разумно, то париться в нательном кресте весьма проблематично: ведь крест нагревается от температуры и может оставить на теле ожоги. Так становится понятным, откуда появилась эта «нечистая мистификация».

Баннй дух может невзлюбить человека, если он не умеет париться, может навести всяческий паморок, угар и обморок. Согласно старинным поверьям, банник бывает опасен для людей и вредит моющимся, если те нарушают определенные правила поведения в бане. Лидия Андреевна Колосова рассказывает о Баннике:

Он очень любит мыться, мыть волосы в кипятке; парится Банник оставленным хозяйским веником, причем моется обычно вечером или ночью, после всех людей. Тем же, кто приходит в баню после захода солнца или ночью, банник вредит: пугает, прикидываясь человеком, брызжет на них кипятком, кидается раскаленными камнями, напускает угару, кричит, стучит и напускает истому.

В наше время многие ходят в баню в одиннадцать, а то и в двенадцать часов ночи. В старину считалось, что именно в это время Банник начинает творить зло: парить подвергнувшегося человека, обдирая кожу, а если человек не успевает убежать от него, причем «умеючи» – выходя спиной, то Банник может запарить его до «изболести», то есть баня принесет не облегчение, а утомление, которое можно сравнить с болезнью, и на следующий день – тяжелое пробуждение ото сна, да и день складывается просто.

Считалось, что Банник может придушить человека, который моется ночью один: сперва усыпит, а потом иссушит горячим воздухом и отнимет телесную воду, дабы неповадно было в неурочный час забираться в его «угодь». Кроме того, Банник может и «заесть», «загрызть» неосторожного человека так, что тот после бани покрывается красно-синюшными пятнами, которые долго не проходят; или побить по голове – так сдавит голову, что боль просто невыносима.

Мария Федоровна Пономарева рассказала, что ночью и в четвертый пар в бане собираются на посиделки и моются гости Банника. Человеку в это время мыться нельзя, так как «нечистики» непременно навредят ему, напугают, а может быть, и «притомят». Люди верили, что поздно вечером банник пускает в гости свою бабу – Баннюху, и обустривает там свою жизнь: стирает, полощется, наводит порядок. Поэтому ему не нравится, когда им мешают.

Однако нечистая сила пребывает в бане только время от времени, и только тогда, когда у Банника какие-либо праздничные посиделки. Банник же находится в бане постоянно, даже когда баня не протоплена. Он – полновластный ее хозяин. Одного впустит, а другого замучает да «захудит» так, что человек вылетает из парной пулей и больше не хочет идти париться.

Согласно старинным поверьям, Банник хозяйничает не только в бане, но и в других местах, где люди моются. Банник почти всегда невидим, но его можно слышать в бане, особенно ночью. Он шебуршится, ворочается в куче свежих неошпаренных веников, бормочет под полком за каменкой. Изредка он показывается людям, при этом принимает странный вид: например, облик голого старика, облепленного листьями от веников; или маленького мохнатого человека с огромными радужными глазами; или черного, мохнатого, иногда огромного роста человека, который стоит в углу и, нахмурившись, смотрит на «незваных гостей».

Но чаще всего Банник похож на хозяина дома или кого-то из его родных и знакомых, кто больше всего нравится самому Баннику. В связи с этим очень распространен сюжет о Баннике, который, обернувшись знакомым или родственником, заманивает людей в баню и там зло парит, а иногда запаривает ради «веселухи». Именно поэтому наши предки, входя в баню, заговаривали шайку с водой: «Да воскрес Бог», а злые банники вторили ему: «Да растреснет лоб»; после чего человек должен был произнести следующую фразу: «Да расточатся врази наши», а Банник в ответ заговаривает: «Да расkachasi силы наши». Считалось, что после такого обоюдного прочтения фраз мужики и Банник входили в союз, после чего Банник не запарит человека. При этом, по некоторым поверьям, в бане может обитать сразу несколько банников: главный и его баба, и байнушки-детушки.

Рассказывает Любовь Ивановна Шемякина: «Жену Банника зовут Обдериха. К хорошим людям относится по-хорошему, к худым – по-худому, так что может запарить до худобы. Мамка моя рассказывала, что первый раз Банник появляется в бане как раз после того, как там побывает роженица, а если в бане не бывало роженицы, то нет в ней и Байного. Банник нужен каждой бане, для того, чтобы лешие, водяные, упыри, нежить не посещали баню. Иногда у Банника просили защиты от присосавшегося к душе упыря».

Лидия Андреевна Роженева (д. Пахомово) сообщила, что Банника всячески задабривали. Например, чтобы не сердить хозяина, в бане старались не шуметь и не ругаться. Саму баню нужно было содержать в чистоте, чтобы Банник не сердился. При этом верили: если он доволен хозяевами, то помогает убратся в бане. Дары ему обычно подносили при постройке новой бани, а также на праздники, или когда Банник начинал пугать и беспокоить людей. В чистый четверг ему оставляли кусочек черного хлеба, густо посыпанный солью. Иногда сыпали соль прямо на каменницу, чтобы Банник не страшал моющихся и

выгонял из бани угар. Под порог бани сажали крапиву, причем старались посадить как можно больше и гуще, чтобы черная сила цеплялась за нее и не могла пролезть в щель под дверь в баню. Забираясь же на полок, приговаривали: «Хрещеватый на полок (имея в виду себя), а бесхрещенный с полка (имели в виду Банника – дескать, у него нет хребта)».

Выходя из бани, на полке обычно оставляли ведро воды, кусочек мыла и веник для Банника, а затем благодарили «баюнушко» как радужного хозяина или, перекрестившись, обращались к самой бане: «Тебе баня настоящя, а нам на добро здравьица». Выходя из бани, произносили такой заговор-благодарение:

*Спасибо тебе, банюшка-парушка,
Вымыла ты меня, выпарила ты меня (имя),
Моих деточек (имена).
Тебе стоять, мне жить.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа
Аминь, аминь, аминь.*

В этом заговоре используется прием олицетворения. Баня становится живым собеседником, способным принять благодарность. А этикетная форма: «С легким паром!» не устаревает веками.

Ходили в баню мыться, но ходили и мыть. Как известно, в старину баня была не только местом лечения болезней – она также служила для того, чтобы мыть новорожденного. «Банька – вторая мать», как гласит русская пословица. Валентина Семеновна Морозова подробно рассказала об этом обряде:

«Обычно роженица отправлялась в баню перед самыми родами и оставалась в ней на девять дней, отдыхая после родов и набираясь сил. В это время повитуха, напарив роженицу, правила новорожденного, парила его, читала над ним заговоры, совершала специальные обряды и так далее. Сразу после родов бабка-повитуха* шла с ребенком на руках к каменке, брала хлеб-соль и, наговорив на кусочек хлеба, клала его на остывающую каменку.

Паря младенца, повитуха читала заговор:

*Баушка, банушка, моньюшка,
Бога парила, да и нам парку оставила.
Господи благослови.
Ручки растите, толстейте, ядренейте,
Ножки ходите, свое тело носите,
Язык говори, свое тело корми.
Бабушка, баномоньюшка парила и правила,*

*У Бога милости просила.
Перерубь седуна, будь ходуна,
Банюшки поруши слушай,
Пар да баня да вольное дело,
Банюшки да воды слушай,
Отвертай ороков, причинищев, уродищев,
Худых вон здых,
Отвертай от девок пустоволосок,
Живи да толстей, да ядреней, да богатей, да успеи».*

Вымыв новорожденного, его заворачивали в старую льняную ткань, чтобы он был спокойным.

Покойника мыть в бане строго запрещалось. Тело человек готовил к жизни, поэтому мылся в бане, а покойника готовили к преданию земле, поэтому мыли его в доме.

В бане снимали переполохи*, уроки*. Одну из женщин-информаторов удалось уговорить поделиться знанием заговора, который играл важную роль в жизни мужа и жены. Она разрешила его записать при условии, что ее имя не будет названо.

Этот заговор мог помочь в том случае, если женщина хотела себя уберечь от рукоприкладства мужа, или же, прожив какое-то время с супругом, устала от его побоев, от постоянных синяков. Она шла в баню перед мытьем, брала камешек с каменницы и со словами:

*Как камушек наверх не подыметься,
Пусть так у раба Божьего (имя)
Не подымутся белы рученьки
На рабу Божью (имя).
Аминь*

– бросала этот камешек в шайку с водой, в которой будет мыться ни о чем не догадывающийся супруг. Если об этом заговоре никому не сказать, то обязательно его сила будет иметь действие на обидчика.

Остановлюсь на последней функции бани – стирке. Об этом сохранились только воспоминания, потому что такой способ стирки использовался до 1970-х годов, и свидетелями этого были мои информаторы в юные и зрелые годы.

Бучение – старинный способ стирки, использовавшийся жителями нашей местности. О нем сообщили Валентина Семеновна Морозова, Галина Павловна Москвитина и Лидия Александровна Роженцева. Не так давно этот способ стирки был известен в каждой семье. Нужно было держать лопоть* в чистоте, поэтому необходимо было ее бучить*. Одно и то же белье могли бучить по несколько раз, одно

бучение длилось 1-1,5 часа, то есть стирать могли полдня. Обычно бучили около реки или озера, но если их рядом не было, то приходилось бучить недалеко от дома, а информаторы утверждают, что зимой бучили в банях.

Для бучения требовалось такое оборудование: бук*, деревянная досочка с дырочками, сверлок* с пальцем (тычком), щелок, холстянка, раскаленные камни, кресты и храп. Бук – это деревянная емкость из плотно подогнанных друг к другу досок, скрепленных тремя металлическими обручами. Она имеет цилиндрическую форму и чуть расширяется сверху, с отверстием небольшого диаметра на дне, ближе к его краю, объемом 3-5 ведер.

В результате долгих обстоятельных разговоров удалось представить и записать процесс бучения. Он состоит из следующих этапов:

- ✓ установка бука (выбирали ровное место и ставили кресты так, чтобы не закрыть дырку-сверлок в дне бука);

- ✓ закрывание и затыкание дырки (закрывали дырку досочкой и затыкали пальцем, или тычком);

- ✓ складывание грязной одежды в бук;

- ✓ закрывание холстянкой грязной одежды (холстянкой закрывали белье так, чтобы она его полностью закрывала, ведь потом камни будут на всей ее поверхности);

- ✓ насыпание на холстянку березовой золы (рассыпали по холстянке);

- ✓ заливка водой содержимого бука (наливали холодной или теплой воды, чтобы «грязь не прикипела»);

- ✓ складывание раскаленных камней на холстину (летом камни нагревали рядом в костре, а зимой – в бане, при помощи храпа хозяйка бросала камни на холстину, они и нагревали воду);

- ✓ многократное (до 5 раз) сливание грязной воды путем открывания сверлока (выстирки* мимо не выливались – ими еще стирали сафаны, темное белье. Если сливали несколько раз, то хозяйка говорила: «Пять раз бучила»);

- ✓ многократная заливка водой содержимого бука (заливали белье в зависимости от загрязненности: выстирки светлели – значит, белье простиралось);

- ✓ замена «отработанной» золы свежей золой (с холстянки золу сбрасывали неподалеку, и на нее насыпали новую);

- ✓ раскладывание белья на коромысло или по корзинам (поочередно на оба конца коромысла или в корзины клали белье, но чаще носили на коромысле; на реке белье полоскали, выколачивая воду шлепалкой – плоской деревянной палкой с ручкой).

Существовало несколько «секретов» бучения:

1. Если забудешь закрыть сверлок досочкой, то одежда «выедет» и займет дырку, палец (тычок) будет не вставить.

2. Не торопись: сначала налей воду, а потом бросай камни, иначе прожжешь не только холстянку, но и лопоть.

3. Забудешь поставить бук на кресты – некуда будет стекать грязной воде, а она еще пригодится для стирки темного белья.

4. Если забудешь заткнуть дырку пальцем (тычком), то вода быстро вытечет, и белье не простирается.

5. Не забывай менять золу после каждого слива воды, она теряет во время бучения стиральные свойства.

Как рассказала Г.П.Москвитина, «летом бук хранили в саннике (место под крышей, где хозяева хранили сани, телеги и т.п.), ведь летом бучили чаще, зимой – на перебанье».

Почему же все-таки перестали топить бани по-черному? На смену им пришли белые бани, в которых не было копоти, и они проще топились. Процесс отливания воды стал проще.

Но в Кичменгско-Городецком районе черные бани не только сохранились, но в них продолжают мыться. Например, в селе Сараево хозяевами такой бани являются далеко не пожилые люди: хозяйке Любове Александровне Маклаковой на момент диалога всего 45 лет.

– Еще в 1936 году мой дед Василий Иванович построил эту баню, но в 1976 году мой муж перевез ее и поставил к дому, в котором сейчас живем.

– Выходит, что бане 70 лет?!

– Не выходит, а точно. Такие бани гниют очень медленно, а воздух чистый, свежий, пропитанный дымком. Вот и не хочется менять печку: привыкли, да и о прокопченные стены давно уж никто не пачкается. Да ведь еще и баня-то у нас одна на всю округу. Одни мы моемся по-старому, вот и не хочется с ней расставаться. Затопишь – дым валит по всей улице. Сразу видно – Маклаковы баню затопили.

Эта баня поставлена на берегу реки Кичменьга. Это сруб величиной 4 на 5 метров по внешнему замеру. Баня топится по-черному, но отверстие для выхода дыма находится в стене. На нее наложила свой отпечаток современность: проведено электричество, вода нагревается в котле над топкой и отливается в различные емкости. Каменница сохранилась, но принцип нагрева воды изменился: хозяева не пользуются храпом, так как не накаливают докрасна камни для нагрева воды. Но черная баня жива: ведь способ выхода дыма, отраженный в ее на-

звании, сохранился. Значит, жива еще старина, и не только в воспоминаниях. Она уживается с современностью, даже соперничая с ней.

Словарик диалектных слов:

Бздавать – плескать кипятком на раскаленные камни.

Бук – деревянная емкость для стирки белья.

Бучить – стирать белое белье.

Выстирки – слитая после бученья вода.

Выстояться – некоторое время быть закрытой перед мытьем.

Двор – дом вместе с хозяйственными постройками.

Жар – красные угли.

Заваривать – заливать кипятком.

Каменница (каменница) – выложенная из камней банная печка.

Клюка – кочерга.

Колосники – жерди для сушки льнотресты в черной бане.

Коптюшечка – приспособление для освещения в бане при помощи керосина.

Лопоть – белье.

Моховетки – сосновые стволы, используемые для переноски мха.

Мошить – раскладывать мох между бревнами.

Окатывание – обливание водой после мытья.

Очесанные – лишенные коры.

Паз – углубление в бревне для более плотного наложения его на другое бревно.

Перебанье – помещение перед входом в баню.

Переполохи – испуги.

Плащина – березовая кора, снятая с дерева широкой полосой.

Повитуха – женщина, чаще старуха, помогающая при родах.

Полок – дощатый настил на уровне 1,20 от пола для распарки тела.

Растаять – изломаться камню во время многократного накаливания.

Санник – место для хранения саней, телег.

Сверлок – дырка в дне бука.

Светец – металлическое приспособление для освещения с помощью лучины.

Слупать – сдирать кору со ствола дерева.

Сувертни (сувертенья) – скопления грязи в виде жгутиков.

Трубица – отверстие для выхода дыма в потолке или стене.

Тюлечка – швырок.

Уроки – порча, сглаз.

Храп – инструмент для перекладывания раскаленных камней.

Худоба – плохое.

Шайка – деревянная банная посуда.

Щелок – зольный раствор для мытья или стирки.

Информаторы:

Колосова Лидия Андреевна (1916).
Кузнецова Антонина Николаевна (1951).
Маклакова Любовь Александровна (1962)
Метлев Василий Александрович (1926).
Метлев Иван Александрович (1932).
Морозова Валентина Семеновна (1930).
Москвитина Галина Павловна (1931).
Пономарева Мария Федоровна (1922).
Роженцева Лидия Александровна (1926).
Усова Римма Александровна (1952).
Чешкова Клавдия Михайловна (1922).